

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ХОДЕ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА (1937–1938 ГГ.): АНАЛИЗ БАЗЫ ДАННЫХ ПО КНИГАМ ПАМЯТИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

SOCIAL PORTRAIT OF THE GREAT TERROR VICTIMS (1937–1938): ANALYSIS OF DATABASE CREATED ON THE MATERIAL OF NIZHNY NOVGOROD REGIONAL «MEMORIAL BOOKS»

Лягушкина Людмила Алексеевна

Аспирант кафедры исторической информатики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
E-mail: luskom@gmail.com

Liudmila A. Lyagushkina

Статья посвящена анализу социального портрета репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.) в Горьковской (в наше время — Нижегородской) области РСФСР. В первой части дается подробная характеристика уникального источника — базы данных «Жертвы политического террора в СССР» в формате MySQL — и описание методики ее обработки. Во второй части приводятся результаты анализа базы данных, сведения о возрасте, поле, национальностях, социальном положении репрессированных. В итоге автор приходит к выводам, что база данных может и должна использоваться для составления социального портрета репрессированных и описывает основные его характеристики.

Ключевые слова: база данных, MySQL, Access, социальный портрет, книги памяти, Большой террор, большая чистка, «ежовщина», репрессии 1937–1938 гг., Нижегородская область, сталинизм.

The article is dedicated to the analysis of the social portrait of the Great Terror victims (1937–1938) in Gorky Oblast (now Nizhny Novgorod Oblast), RSFSR. The first part of the article is devoted to the main source of research which is huge MySQL database called Victims of Political Terror in the USSR. Also there is methodology description. The second part of the article is about the database's analysis results. There is information about the victim's age, gender, nationality, social position. In conclusion the author states that the database can and should be used for social portrait analysis and describes that social portrait.

Keywords: database, MySQL, Access, social portrait, memorial books, the Great Terror, the Great Purge, Yezhovshchina, political repressions from 1937 to 1938, Nizhny Novgorod Oblast, Stalinism.

Большой террор 1937–1938 гг., или, как его еще называют, «большая чистка», или «ежовщина» — один из самых проблемных сюжетов в истории СССР. За два года было расстреляно (приговорено по «первой категории») беспрецедентно большое количество людей — более 680 тыс. чел., а арестовано — 1,5 млн чел. Многие из приговоренных ко «второй категории» (как правило, они получали по 10 лет лагерей) не выжили в тяжелейших условиях, их судьбы и судьбы их родных были

искалечены. По надуманным обвинениям были репрессированы как многие влиятельные политики и военные, известные деятели культуры и науки, ученые с мировым именем, так и сотни тысяч простых жителей страны: крестьяне, рабочие, служащие, священники. Основную массу пострадавших от репрессий составляют именно эта «непривилегированная» группа жертв политических репрессий, однако им историки и публицисты уделяют крайне мало внимания.

Без понимания того, против кого были направлены репрессии 1937–1938 гг., кто прежде всего в них пострадал, невозможно представить полную картину Большого террора (с начала которого прошло 75 лет). Подробное изучение социального аспекта этого процесса позволяет выявить некоторые черты репрессивной политики советского государства. Помимо того, исследования Большого террора в региональном аспекте позволяют найти сходства и различия репрессивной политики в различных частях СССР, а это, в свою очередь, вносит свой вклад в дискуссию о причинах, целях и основных движущих силах Большого террора, нашедшую отражение в историографии.

Большой террор не был единым процессом, он состоял из нескольких больших групп репрессивных операций. Самая масштабная из них, с которой традиционно связывают начало «ежовщины», стартовала с появлением печально известного приказа № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.¹ Согласно тексту документа, с 5 августа 1937 г. в большинстве республик, краев и областей СССР начиналась операция, неофициально названная «кулацкой». Каждой из республик, краев, областей выделялся свой «лимит» на количество арестов по «первой категории» (под которой подразумевался расстрел) и по «второй категории» (как правило, заключение в тюрьмы или лагеря на срок от 8 до 10 лет). Лимит можно было повышать, что, как мы увидим, и было сделано.

В ходе Большого террора проводились и другие крупные операции, которые получили общее название «национальные», потому что категории жертв определялись по национальному принципу. Первой из них и самой массовой была «польская» операция по приказу № 00485 от 11 августа 1937 г.², с приказа № 00439 началась «немецкая» операция³. Существовали также «харбинская» операция по приказу № 00593 от 19 сентября 1937 г.⁴, латышская, греческая, афганская и другие «линии».

Изучить пострадавших от всех типов репрессивных кампаний 1937–1938 гг. позволяет база данных «Жертвы политического террора в СССР», она и стала главным источником исследования. В первой части данной статьи дано подробное описание базы данных (БД), в которой объединены достаточно сложные и разнотипные источники. В ней же рассматриваются методы анализа БД, методики ее проверки на репрезентативность. Вся эта работа ранее в отечественной (и зарубежной) историографии не проводилась. Во второй части статьи рассмотрен ход репрессий в Горьковской области (ныне Нижегородская область) как в одном из самых хорошо представленных в БД регионов.

Для реконструкции социального портрета жертв политических репрессий необходимо обращение к их кратким биографиям. Они содержатся в разном виде в архивно-следственных делах арестованных, которые, в свою очередь, могут храниться в нескольких местах — архивах ФСБ, МВД и прокуратуры, в фондах прекращенных дел, переданных в государственные архивы из ФСБ, иногда краткие биографии можно найти в предписаниях и актах на расстрелы внесудебных и судебных органов⁵. Работать напрямую со следственными делами не так уж просто: во-первых, это довольно длительный и трудоемкий процесс; во-вторых, закон об архивном деле, принятый в редакции 2006 г. в целях защиты «тайны личной жизни», ограничивает доступ исследователей к следственным делам⁶. Документы, хранящиеся в неведомственных архивах, могут быть доступны исследователям без согласия родственников только по истечении 75 лет, и, хотя срок уже подошел, архивисты и историки высказывают сомнения, что что-то изменится⁷.

Следственные дела, справки на арестованных не только труднодоступны, но и часто содержат недостоверную информацию, которая фальсифицировалась следователями НКВД с целью подогнать дело арестованного к одной из категорий, обозначенных в приказе № 00447 или других репрессивных приказах. Более того, украинский историк В. Н. Никольский на основе архивных данных приходит к выводу, что в Украинской ССР статистику УНКВД, составленную на основе следственных дел, «корректировали» таким образом, чтобы в ней было больше «бывших людей», деклассированных и меньше колхозников, рабочих, служащих, крестьян-единоличников⁸. При этом изменять количество арестованных от некоторых социальных групп могли на 70–80%. По всей видимости, Украинская ССР не была исключением, есть сведения о фальсификациях в современных Алтайском крае⁹, Свердловской области¹⁰, Пермском крае¹¹.

С учетом недостоверности ведомственной статистики и труднодоступности первоисточников (следственных дел) представляется оправданным обращение к книгам памяти с целью исследования социального портрета репрессированных. Книги памяти представляют собой сборники, содержащие краткие биографические справки («биограммы») на жертв политических репрессий, которые издаются в разных регионах бывшего СССР. Они сильно отличаются друг от друга, потому что создавались в разное время, при различных условиях и силами разных организаций. Биографические справки в книгах памяти могут быть самого разного объема. В некоторых регионах данные о репрессированных

минимальны (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место проживания). Некоторые, в том числе изданные недавно книги памяти, не содержат даже даты ареста или осуждения (например, книга памяти Московской области, в которой содержится 30000 имен). Это приводит к тому, что исследователь не может использовать подобные книги, ведь невозможно определить, жертвой какой из «репрессивных волн» стал тот или иной человек.

Нам известен всего лишь один пример статистического анализа книг памяти в историографии, это работа Мелани Илич «Большой террор в Ленинграде: квантитативный анализ» (*The Great Terror: Leningrad — a Quantitative Analysis*)¹³. Стоит отметить, что это исследование содержит в высшей степени интересный и подробный анализ книг памяти Ленинградской области («Ленинградского мартиролога») в печатном виде, реконструирует социальный портрет жертв Большого террора, делая акцент на гендерных особенностях репрессивной кампании. Однако это исследование основано на 10% выборке из двух первых томов издания, в которых содержатся сведения о жертвах репрессий (только осужденных по «первой категории»), расстрелянных в первые три месяца Большого террора (август-октябрь 1937 г.). Таким образом, исследование книг памяти представляется довольно актуальным.

Один из главных плюсов обращения к книгам памяти в наше время заключается в том, что они были переведены в электронный формат и опубликованы в масштабной базе данных «Жертвы политического террора в СССР», созданной историко-просветительским обществом «Мемориал». В нее были включены сведения из 283 томов книг памяти разных регионов, еще не изданных подготовительных материалов, сведения органов МВД России из почти 60 субъектов Федерации, региональных архивов, в том числе общества «Мемориал». Работы над созданием этой электронной БД начались в 1998 г. Последнее, четвертое издание вышло в 2007 г. к семидесятилетию Большого террора (планируется также выпустить очередное издание диска в 2012 г.).

База данных «Жертвы политического террора в СССР», в которой содержится информация о 2614978 репрессированных за весь период советской власти, стала главным источником данного исследования. Необходимым условием использования БД в качестве исторического источника является ее проверка на репрезентативность, что и было сделано применительно к 1937–1938 гг. Для начала общие цифры репрессированных жертв Большого террора, известные по опубликованным архивным сводкам НКВД, были сопоставлены с общим количеством персоналий в БД. Всего в 1937–1938 гг. органами НКВД было арестовано 1575259 чел., из них

к расстрелу приговорено 681692 чел. В базе содержатся данные на чуть менее чем 230 тыс. чел. расстрелянных (около 30%) и еще 220 тыс. арестованных, но не расстрелянных (28%).

Очевидно, что в некоторых регионах книг памяти вообще не издавалось, в других они заведомо неполные, поэтому для дальнейшего изучения нужно было выделить регионы, по которым данные книг памяти представлялись достаточно показательными. С этой целью был проведен анализ репрезентативности БД по разным регионам двумя разными путями. В первом случае количество справок в БД на репрессированных в ходе Большого террора в каждом регионе сравнивалось с опубликованными отчетными документами НКВД по количеству репрессированных. Один из основных источников — таблица «Количество арестованных за время с первого октября 1936 г. по первого июля 1938 г. по органам», опубликованная в сборнике документов «Трагедия советской деревни»¹⁴. К сожалению, в нем содержатся данные только по «кулацкой операции» (приказ № 00447) и только по июль 1938 г. Существуют также данные по регионам по итогам «польской операции» (приказ № 00485) и «немецкой операции» (приказ № 00439), которые закончились 15 ноября 1938 г.¹⁵

Второй путь проверки на репрезентативность состоял в сопоставлении количества справок в БД с данными известного исследователя Олега Мозохина. Он в своей книге «Право на репрессии. Вне судебные полномочия органов государственной безопасности» приводит уникальную ведомственную статистику о количестве арестованных в каждом из регионов. С одной стороны, данные вызывают доверие из-за того, что суммарно по всем регионам за два года по его подсчетам было арестовано 1,5 миллиона жертв, о чем нам известно из достоверных источников. В то же время автор книги не приводит точных ссылок на то, где хранятся опубликованные в его книге отчеты, и в каком виде, лишь указывает на то, что «в основном» он составлял статистические таблицы по материалам фонда № 8, описи № 1 Центрального архива ФСБ¹⁶. Этот факт несколько снижает ценность статистики Мозохина.

В результате проведенных подсчетов стало ясно, что базу нельзя использовать в целом, но отдельные края, области и республики являются перспективными для изучения. При сопоставлении количества справок в книгах памяти и итоговых цифр Мозохина было выявлено 12 краев, областей и республик, где имеются справки на более чем 70% репрессированных.

В данной статье рассмотрен один из таких перспективных регионов — Нижегородская область, в советское время — Горьковская область

(с 1936 г.). В этом регионе, по сведениям опубликованных документов, было арестовано 11694 чел., из них 9691 — по «кулацкой операции». Первоначальный лимит приказа № 00447 в 4500 чел. был превышен на 115%. В БД есть биографические справки на 11417 чел., или 98%. По данным Мозохина, в Горьковской области за 1937–1938 гг. было репрессировано 15461 чел.¹⁷, в БД за этот период есть сведения о 12384 чел., или 80%.

Остановимся на методике работы с БД. Оригинальная база была создана в формате MySQL. Разработчики выбрали этот формат, очевидно, потому, что он позволяет адекватно работать с большим объемом записей (более 2,5 млн!). Реляционная база состоит из сорока таблиц, одна из которых — *persons* — главная, все остальные 39 — подчиненные. Первичная работа с БД велась при помощи языка запросов SQL. Многочисленные запросы вводились через командную строку, и это позволило выявить структуру базы, а также количество данных по каждому из регионов. После того, как результаты показали удовлетворительными, из большой БД была выделена маленькая по Горьковской области. Для простоты дальнейшей работы она была конвертирована в Microsoft Office Access при помощи программы DBConvert for Access & MySQL. В дальнейшем работа велась уже с базой данных по репрессированным в Горьковской области в годы Большого террора в Access при помощи многочисленных запросов — как простых, так и групповых.

Обратимся к результатам обработки БД жертв политических репрессий в Горьковской области. Первое, что позволяет реконструировать база, это динамика Большого террора в указанной области. В ходе подготовки операции против «антисоветских элементов» 8 июля 1937 г. первый секретарь Горьковского обкома ВКП(б) Ю. М. Каганович (он занимал этот пост по 1939 г., а затем был отправлен в Москву и по 1945 г. работал заместителем наркома внешней торговли СССР¹⁸) отправил телеграмму о том, сколько в его области планируется репрессировать «антисоветских элементов». Он сообщал, что 1000 кулаков могут быть арестованы и осуждены по первой категории, 650 — по второй, уголовников — 675 по первой и 435 по второй. Также Ю. М. Каганович упоминал о большом количестве кулаков, бежавших с мест постоянного жительства и скрывавшихся от выселения. Так, 620 чел. могли быть приговорены к первой категории, 3200 — ко второй¹⁹. Итого, значит, 2295 чел. по первой категории и 4285 по второй, всего — 6580. Запросы руководства Горьковского обкома не были выполнены — по приказу № 00447 обла-

сти был выделен лимит в 1000 чел. по первой категории и 3500 чел. по второй²⁰. Рассмотрим динамику арестов репрессированных в Горьковской области (рис. 1).

Очень активно аресты проходили в августе 1937 г., первом месяце операции, когда было арестовано 1139 чел. (в июле, до официального начала операции против «антисоветских элементов», было арестовано 375 чел.). В сентябре было арестовано чуть меньше (780 чел.), но уже 7 октября 1937 г. Ю. М. Каганович сообщал в телеграмме, что в области были репрессированы 1000 чел. по первой категории и 1100 по второй соответственно. «Было вскрыто и ликвидировано кулацко-эсеровских террористических организаций 16, групп 121», — пишет он. Лимита стало не хватать, поэтому Каганович просит увеличить его на тысячу человек по первой категории²¹ (запрос был утвержден²²). По всей видимости, инициативность руководства области и утверждение новых лимитов мотивировало чекистов на новые аресты, и они пошли крайне активно. В октябре было арестовано 1742 чел. (почти на 1000 чел. больше, чем в предыдущем месяце), в ноябре — 1837, а в декабре Большой террор достиг своего пика в Горьковской области, за месяц было арестовано 3586 чел. Чем объяснить подобный всплеск в декабре? Возможно, желанием местной власти завершить аресты перед началом нового года, возможно, целью было осуществить продолжение репрессивной операции в регионе и в 1938 г.

В январе 1938 г. решался вопрос о том, в каких регионах продолжать «кулацкую операцию», и Горьковская область не попала в их число. Тем не менее 4 февраля 1938 г. Ю. М. Каганович обращается к Сталину и Ежову с просьбой продлить срок операции до 20 марта 1938 г. и увеличить лимит для области на 3000 чел. по первой категории, и на 2000 — по второй. На тот момент в области было арестовано уже 9600 чел.²³ Но амбиции местной власти не были реализованы: замнаркома внутренних дел М. Фриновский отправил главе Горьковского УНКВД Лаврушину телеграмму, в которой отказал в установлении новых лимитов и потребовал все дела сверх лимита оформлять через спецколлегию и особое совещание²⁴. Именно поэтому на графике арестов с января прослеживается резкое падение (почти на 3000 чел. в абсолютном выражении), и если за 5 месяцев 1937 г. было репрессировано 80% от общего числа жертв репрессий в области, то за 11 месяцев 1938 г. — всего 20%. Завершение «кулацкой операции» видно на графике. В марте-ноябре 1938 г. количество арестованных в месяц не превышало 300 чел., причем, в отличие от других регионов, никаких относительно значимых «пиков» в Горьковской области не прослеживается.

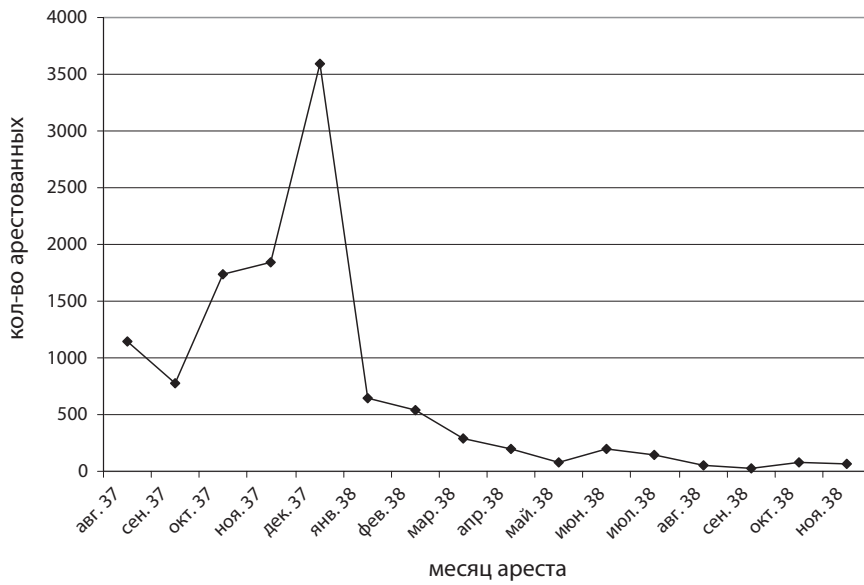

Рис. 1. Динамика арестов в Горьковской области с августа 1937 по ноябрь 1938 г. по материалам БД жертв политических репрессий

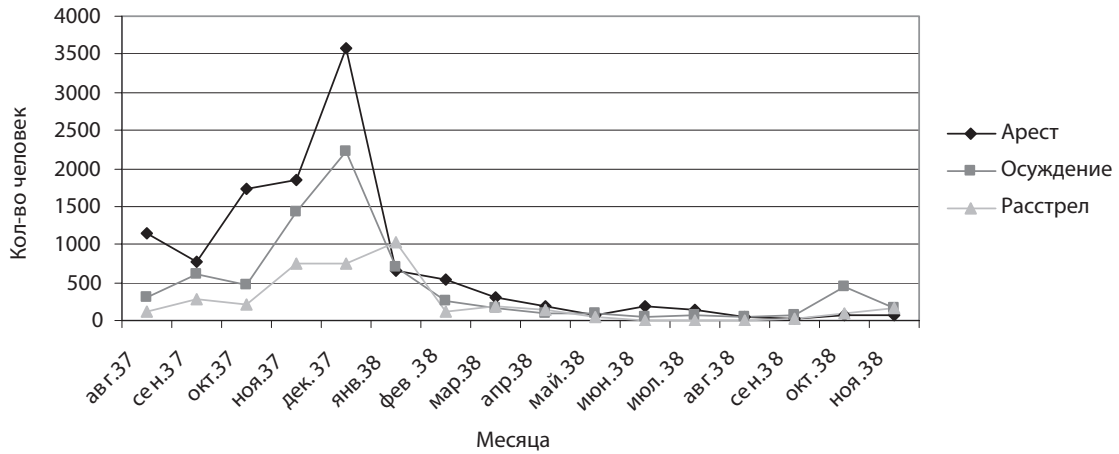

Рис. 2. Динамика арестов, судов и расстрелов жертв «Большого террора» в Горьковской области с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г.

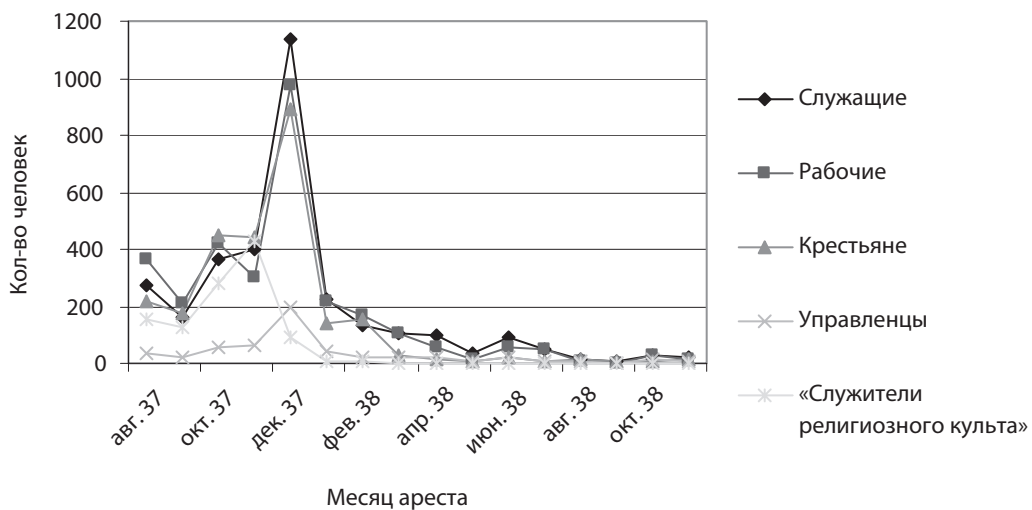

Рис. 3. Динамика арестов в Горьковской области людей различного социального положения

В 66% случаев (7521 чел.) книги памяти Нижегородской области позволяют нам узнать, когда были осуждены арестованные; в 94% случаев мы знаем, когда были исполнены смертные приговоры. Если соединить графики арестов, судов и расстрелов (рис. 2), то можно увидеть, что если арестовывать и судить людей в один месяц чекисты и внесудебные органы еще успевали, то приводить приговоры в исполнение им удавалось лишь с некоторым запозданием. Так, мы видим, что «пик» расстрелов приходится на январь 1938 г. (тогда как арестов и осуждений — на декабрь 1937 г.), когда в отношении 1035 чел. смертный приговор был приведен в исполнение. После января 1937 г. количество расстрелов фактически сходит на нет. В то же время на графике также виден «пик» в октябре 1938 г. (было осуждено 445 чел.) — перед окончанием «массовых операций» в ноябре этого года.

Оценивая урон населению Горьковской области, нанесенный репрессиями, можно отметить, что по сведениям переписи 1937 г. в Горьковской области проживало 3683008 чел.²⁵, переписи 1939 г. — 3869887²⁶, т. е. «степень репрессий» (со-

отношение числа жертв и количества населения) составила 0,3, или 0,29% соответственно.

37% арестованных (согласно данным поля *gasstrel*), либо 36% (согласно данным поля *prigovor*) в Горьковской области были расстреляны (согласно данным поля *gasstrel* и поля *prigovor*). Если более подробно проанализировать приговоры осужденных, получается, что 27% арестованных (3072 чел.) были приговорены к 10 годам заключения, 14,8% (1695) — к различным срокам от 5 до 9 лет, 8% (930) — к срокам от 1,5 до 4 лет, и 7,6% — к сроку менее 1,5 лет. 181 чел. из арестованных умер под следствием (в книгах памяти упоминалось о нескольких случаях самоубийств), 27 чел. были высланы за пределы СССР. В книгах памяти есть и отпущенные (276 чел.), и направленные в психбольницы на принудительное лечение (3 чел.), и отпущенные в ссылку.

Рассмотрим также, какими судебными органами были приговорены все арестованные в ходе Большого террора, учитывая, что в Нижегородских книгах памяти нет данных об осудившем органе в 17% случаев.

Таблица 1

Судебные органы, наиболее активно участвовавшие в массовых репрессиях в Северо-Осетинской АССР, а также количество смертных приговоров, вынесенных ими

Судебный орган	Кол-во человек	В процентах	ВМН	ВМН, %
Тройка	6658	58,3	3165	47,5
Тройка (не Горьковская область)	98	0,9	42	42,9
Особое совещание	955	8,4	64	6,7
Комиссия НКВД СССР и прокурора СССР	757	6,6	728	96,2
Областной суд	536	4,7	5	0,9
Военный трибунал	186	1,6	15	8,1
Военная коллегия Верховного Суда	161	1,4	146	90,7
Линейный суд	79	0,7	0	0,0
Водно-транспортный суд	22	0,2	0	0,0
Верховный суд	14	0,1	9	64,3
Лагерный суд	2	0,0	0	0,0
Народный суд	2	0,0	0	0,0
Нет данных	1947	17,1	2	0,1

Мы видим, что большинство арестованных в Горьковской области (59%, 6756 чел.) было осуждено «тройками». Немало приговоров (8,4%, 955) в Горьковской области вынесло Особое совещание, причем среди них было крайне мало смертных приговоров («всего» 6,7%). Комиссия НКВД СССР и прокурора СССР («верховная двойка») действовала чуть менее активно, но гораздо более жестоко: из 757 чел. (6,6%) 178 (96%) были приговорены

к смертной казни (нужно понимать, что в основном этот орган занимался «национальными операциями»). Почти столь же высокая доля смертных приговоров (90,7%) у Военной коллегии Верховного суда СССР.

Можно ли проследить некоторую закономерность в том, сколько из арестованных в каждый месяц были приговорены к высшей мере наказания? Как и в других регионах, в Горьковской

области наиболее жестокие приговоры ожидали арестованных в начале Большого террора (август 1937 г. — ноябрь 1937 г., от 63 до 48%). Уже с декабря 1937 г. («пика» Большого террора в этом регионе) начинается довольно резкий спад в доле смертных приговоров. Среди арестованных в этом месяце «лишь» 28% были приговорены впоследствии к расстрелу. В январе 1938 г. эта доля подросла до 30%, а затем за все оставшиеся месяцы массовых операций не поднималась выше 19%. Можно предположить, что арестованные в декабре 1937 г. — январе 1938 г. должны были, по замыслу местных властей, пройти по «лимитам» кулацкой операции и быть осуждены «тройками», однако этого в полной мере осуществить не удалось из-за запрета продолжить «кулацкую» операцию в 1938 г. Тех, кого осудить «тройками» не успели (среди арестованных в декабре 1937 г. — январе 1938 г. 4236 чел. 46% были приговорены тройками, причем к смерти — в 41% случаев), отправили на суды других органов либо отпустили.

Перейдем к характеристике социального портрета репрессированных в Горьковской области. Для начала остановимся на возрасте арестованных в ходе Большого террора (табл. 2).

Таблица 2

Возрастной состав репрессированных Горьковской области по сведениям БД и количество расстрельных приговоров

Возраст	Количество человек	В процентах	К ВМН, %
14–20	111	1,0	15,3
21–30	1167	10,2	19,1
31–40	2782	24,4	26,1
41–50	3265	28,6	33,2
51–60	2512	22,0	43,3
61–70	1302	11,4	64,1
71 и старше	272	2,4	74,6
Нет данных	6	0,1	0,0

В Горьковской области абсолютное большинство репрессированных находилось в возрасте от 41 до 50 лет (3265 чел., или 28,6%). Люди от 31 года до 60 лет составляли 75% репрессированных (8511 чел.), а по данным переписи их было 29,7% населения Горьковской области. При этом лиц среднего и пожилого возраста (61 года и старше) чаще приговаривали к расстрелу, чем молодых людей. Так, в людей в возрасте 61–70 лет смертный приговор ожидал в 64,1% случаев, старше 71 года — в 74,6% случаев.

Объяснений, почему чаще репрессировали и приговаривали к смертной казни людей стар-

шего возраста, может быть несколько. Во-первых, у людей этой категории было проще найти «пятна» в биографии: «нерабочее» социальное происхождение, раскулачивание, службу в Белой армии, участие в восстаниях, принадлежность к дореволюционным партиям, кроме ВКП(б). Подобные моменты биографии обеспечивали «успех» дела и облегчали работу следователей. Однако не стоит преувеличивать этот фактор: так, в следственных делах приговоренных алтайской «тройкой» Г. Жданова нашла сведения о лишении избирательных прав или раскулачивании в биографиях у 33% репрессированных²⁷, а о политическом прошлом — у 22% репрессированных²⁸. Среди приговоренных «тройкой» Алтайского края 73,2% осужденных числились бывшими кулаками, однако анализ следственных дел, проведенный алтайскими историками, показал, что около 40% из осужденных по этой категории лиц на самом деле кулаками не являлись, а происходили из середняков или бедняков²⁹. Исследования показывают, что не стоит слишком преувеличивать фактор «социального происхождения» и «пятен в биографии».

Второй причиной, почему людей старшего возраста ожидали более жестокие приговоры, можно назвать их социальное положение, к своим 50–60–70 годам они могли успеть занять высокие и ответственные должности³⁰, или по крайней мере заслужить уважение в обществе. Третьей причиной, на которую указывают многие исследователи, является то, что системе ГУЛАГа люди старые и физически ослабленные были попросту не нужны. Органам госбезопасности было «проще» людей расстрелять, чем содержать бесполезную рабочую силу на «стройках коммунизма».

Абсолютное большинство репрессированных в Горьковской области были мужчинами. По переписи 1937 г. в Горьковской области проживало 1701389 мужчин³¹, репрессировано, по сведениям БД, 10462 чел., или 0,6%. Доля репрессированных женщин среди всех попавших в книги памяти, в Горьковской области составляла 8,4%, что в сравнении с данными Алтайского края (4,3%), Северной Осетии (4,5%), Башкирской АССР (5,5%)³² было достаточно много. В «Ленинградском мартирологе» (только расстрелянные) женщин было около 4–5%³³, в сборнике «Бутовский полигон» (Москва, расстрелянные) — 4%³⁴. При этом женщин еще и редко приговаривали к высшей мере наказания — расстрелу. В Горьковской области это происходило «лишь» в 12% случаев.

Исследователь Г. Жданова приводит несколько причин, по которым доля репрессированных женщин была столь невысока, и с ней невозможно не согласиться: 1) низкий социальный

статус женщин в России — «они не воспринимались в политическом смысле всерьез»; 2) на предприятиях ГУЛАГа требовался прежде всего мужской труд; 3) в стране разворачивалась борьба с беспризорностью; 4) по букве приказа № 00447 предполагалось, что семьи приговоренных не должны были быть репрессированы³⁵. М. Илич отмечала, что на процесс репрессий могло повлиять то, что женщины вообще реже работали и получали зарплату, чем мужчины, их было сложнее в чем-либо обвинить³⁶. В рамках этих предположений можно попытаться объяснить и более высокую долю женщин среди арестованных в Горьковской области. Вероятно, на ход Большого террора повлиял экономический характер региона, большое количество городских жителей среди репрессированных. Женщины играли более значимую роль в урбанизированных регионах, соответственно, могли чаще попадать в сферу внимания органов госбезопасности. В пользу этой версии говорит то, что среди репрессированных в Горьковской области из 954 женщин 287 (30%) — служащие. Большинство из этих репрессированных женщин были мелкими служащими (19%), учителями (18%), врачами и прочими медработниками (13%). Основной же группой репрессированных женщин были «домохозяйки, пенсионеры, иждивенцы» и люди «без определенных занятий» — 36,6%.

По сведениям переписи 1937 г., в сельской местности Горьковской области проживало почти ровно 70% населения, а в городе — 30%. Среди жертв репрессий по книгам памяти соотношение было иным: почти 50% на 50%, из чего можно сделать вывод о том, что по городам пришелся более массивный удар. При этом число приговоренных к высшей мере наказания среди общего числа арестованных в книгах памяти не выявляет определенной тенденции или зависимости приговора от места проживания. Центр области, Горький, был третьим по населению городом РСФСР, в нем проживало 576 тыс. чел., не менее 3014 чел. (0,52%) из них были репрессированы. В другом крупном городе области, Дзержинске, проживало 70 тыс. чел., а арестован был 351 чел. (0,5%).

Национальный состав Горьковской области был достаточно однороден, 93% населения, согласно переписи, составляли русские. Они и стали основной национальной категорией, пострадавшей от репрессий, составив 70%. Тем не менее в книгах памяти зафиксировано немало имен лиц других национальностей. В таблице 3 можно увидеть самые часто встречающиеся национальности, причем в тех случаях, когда это было возможно, сведения из БД сопоставлялись с материалами переписи 1937 г.³⁷

Таблица 3
Национальности репрессированных в БД жертв политических репрессий в Горьковской области в сравнении с данными переписи 1937 г.

Национальность	Количество человек в БД	Процент в БД	Процент населения по переписи
Русские	8002	70,1	93,6
Поляки	336	2,9	См. «прочие»
Немцы	327	2,9	
Евреи	242	2,1	
Мордвины	180	1,6	2,2
Латыши	180	1,6	См. «прочие»
Татары	168	1,5	2,5
Украинцы	157	1,4	См. «прочие»
Белорусы	134	1,2	
Австрийцы	46	0,4	
Ассирийцы	38	0,3	
Эстонцы	35	0,3	
Литовцы	28	0,2	
Финны	27	0,2	
Китайцы	21	0,2	
Чехи	21	0,2	
Армяне	15	0,1	См. «прочие»
Чуваши	14	0,1	
Иранцы	12	0,1	
Корейцы	11	0,1	См. «прочие»
Марийцы	11	0,1	
Нет данных	1345	11,8	См. «прочие»
Прочие	67	0,6	1,4

К сожалению, в БД немало нулевых значений (11%), но даже если предположить, что все они относятся к русским, суммарное количество национальных меньшинств (18%) больше, чем была их доля в населении области. Можно утверждать, что непропорционально много было репрессировано поляков, немцев, евреев; это отчасти объясняется «национальными операциями». Наиболее часто к ВМН приговаривали поляков (в 61% случаев), белорусов (в 52% случаев), латышей (56%), евреев (48%), русских расстреливали в 40% случаев, немцев — в 32%.

Мы видим, что похожая картина наблюдалась и в других регионах: чаще, чем других, приговаривали к расстрельным приговорам поляков, немцев, латышей и эстонцев³⁸. Чем это можно объяснить? Во-первых, все эти четыре группы попадали под различные операции против «инонациональностей», а приговоры «двоек», как известно, в рамках этого рода массовых репрессий были особенно суровыми. Во-вторых, людей инонациональностей даже в ходе следствия по «кулацкой» операции

было проще выставить шпионами и изменниками. Материалы Алтайского края показывают, что среди приговоренных «тройкой» по «кулацкой» операции «инонационалы» получали точно такой же высокий процент приговоров к расстрелам³⁹.

Одной из самых важных характеристик социального портрета является социальное положение репрессированного, однако в книгах памяти, как и в БД, такой графы не было. Поэтому эту черту пришлось восстанавливать по графе базы данных «место работы», была разработана классификация профессий на основании классификации НКВД⁴⁰. Немалую помощь в распределении профессий по социальным группам оказали сборники материалов для подготовки переписи 1939 г. В систематическом и алфавитном словарях занятий⁴¹ указывался код «общественной группы» репрессированных. Так, у занятий рабочих и крестьян первыми цифрами были 0, 1, 2, 3, 4, у занятий служащих — 5, 6, 7, 8⁴². Перед переписчиками не ставилась задача определить «общественную группу» (крестьянин, рабочий, служащий) по профессии граждан, они должны были лишь проверить, чтобы между этими двумя пунктами переписного листа не было прямого противоречия. Поэтому материалы позволяют лишь отделить занятия служащих от всех остальных, но и это позволило нам учесть некоторые тонкости классификации профессий конца 1930-х гг.

Таблица 4

Социальный состав репрессированных в Горьковской области в сравнении с данными переписи 1939 г.

Социальное положение	Количество человек	В процентах	Процент по переписи 1939 г.
Служащий	3150	27,6	16,20
Рабочий	2991	26,2	31,40
Единоличник	1309	11,5	2,60
Колхозник	1285	11,3	45,70
Служитель религиозного культа	1090	9,5	
Без определенных занятий	695	6,1	0,00
Домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	349	3,1	
Кустарь	177	1,6	4,10
Комсостав РККА	157	1,4	
Сотрудник НКВД	132	1,2	
Красноармеец и младший начсостав	65	0,6	
Нет данных	17	0,1	

Полученный в результате ручной обработки данных социальный состав репрессированных в Горьковской области помещен в таблице 4. Он дается в сравнении с материалами переписи, в которой упомянуты не все категории, представленные в нашей классификации.

Обращает на себя внимание также доля репрессированных «служителей религиозного культа» в Горьковской области — 9,5% (а в Башкирии их было всего 4%), почти каждый десятый. По всей видимости, столь высокая доля репрессированных священнослужителей объясняется культурным характером региона, ведь именно на территории Горьковской области располагались такие крупные и известные монастыри, как Серафимо-Дивеевский (был закрыт в 1927 г., однако монахи продолжали жить рядом) и Саровский мужской (ликвидирован в 1927 г. и передан НКВД). Причем, судя по жалобам представителей местного НКВД, «церковники» давно мешали советскому строительству в Горьковской области. Еще в январе 1937 г. местное УНКВД отправляло жалобы на то, что «церковники и сектанты» проявляют особую активность, проводя антисоветскую агитацию против переписи. Так, бывший глава церковного совета якобы утверждал, что в ходе переписи всем переписанным на лбу будут ставить клеймо, поэтому нужно скрываться⁴³. В июне 1938 г. в сводке НКВД «о террористических и других контрреволюционных проявлениях на селе» снова появлялся поп-агитатор, на этот раз — против выборов в Верховный Совет⁴⁴.

На графике, показывающем динамику арестов представителей различных социальных слоев в Горьковской области (рис. 3), видно, что аресты служащих, рабочих, крестьян шли по очень похожему плану. В то же время интересно, что операция против «антисоветских элементов» в области почему-то начинается с опоры советской власти — рабочих, именно их в августе 1937 г. было репрессировано больше всего. При этом, в отличие от крестьян и служащих, в ноябре 1937 г. прослеживается явный спад в количестве арестованных рабочих.

Аресты «управленцев» (как обладавших политической властью, так и занимавших различные ответственные посты в промышленности и сельском хозяйстве) идут в соответствии с общей динамикой, а вот аресты священнослужителей имеют свою логику. Так, больше всего их в августе-ноябре 1937 г. (пик — ноябрь, 429 чел.), однако в декабре, когда аресты остальных групп проходят наиболее активно, количество арестованных «церковников» резко падает. Складывается впечатление, что они воспринимались одной из основных «целевых групп» террора и были арестованы сразу с началом операции.

Можно ли утверждать, что людей определенного социального положения в Горьковской области чаще приговаривали к смертной казни? Мы можем дать положительный ответ на этот вопрос.

Доля смертных приговоров, вынесенных в отношении лиц определенного социального положения в Горьковской области, такова:

- служащий — 32,2%
- рабочий — 34,1%
- единоличник — 40,1%
- колхозник — 21,3%
- служитель религиозного культа — 80,2%
- без определенных занятий — 35,1%
- домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры — 21,8%
- кустарь — 34,5%
- комсостав РККА — 28,7%
- сотрудник НКВД — 22,7%
- красноармеец и младший начсостав — 13,8%

В Горьковской области к ВМН чаще всего приговаривали священников и других «церковников» (в 80% случаев), единоличников (40%), лиц без определенных занятий (35%). Реже других, напротив, расстреливали домохозяек и пенсионеров (22%), а также колхозников (21,3%). Исследования показывают сходную статистику и в других регионах.

Жестокость по отношению к «единоличникам» вполне объяснима в рамках советской модели, однако почему столь много было репрессировано священнослужителей и прочих «служителей религиозного культа», а приговоры им были столь жестокими? Здесь может быть несколько объяснений. Во-первых, они традиционно воспринимались как чуждый советскому строю элемент. Во-вторых, на большее количество смертных приговоров мог повлиять возраст священнослужителей, которые с высокой долей вероятности были людьми старшего поколения, часто с некоторыми «пятнами» в биографиях до революции. В-третьих, репрессировать священников органам НКВД было просто «удобно»; так как духовенство отличала «иерархичность, корпоративность, широкая сеть личных связей»⁴⁵, что позволяло формировать из них фиктивные «повстанческие группы» и объединять их в групповые дела.

Другим интересным наблюдением является относительно высокая доля приговоров к расстрелу среди лиц «без определенных занятий». Исследователи М. Юнге, Б. Бонвеч и Р. Биннер отмечали в этой связи, что приказ № 00447 использовался в ходе Большого террора «как для политической, так и для социальной „чистки“ советского общества». Они указывали, что большая доля жертв «кулацкой операции» представляла собой различные «социально вредные элементы», такие как «туне-

ядцы, алкоголики, мелкие уголовники, бездомные, хулиганы»⁴⁶. Те, кто попал в группу нашей классификации «без определенных занятий», так и назывались в книгах памяти — лицами «без определенных занятий», без какой-либо конкретики. Возможно, что в том случае, если те «социально вредные элементы», о которых писали вышеупомянутые исследователи, были реабилитированы, так как проходили не по уголовным статьям, а по политическим, они попали именно в эту категорию «лиц без определенных занятий».

Поскольку категория «служащие» включает в себя довольно разнородные профессии, от самых простых до крайне сложных, она была проанализирована более подробно в рамках собственной классификации. Данная классификация служащих представляется нам довольно приблизительной и далекой от идеала, но все же она дает возможность представить, какого рода служащие попадали в базу данных. При распределении служащих из БД по группам учитывались классификации, существовавшие в источниках того времени⁴⁷, материалы переписи населения⁴⁸, а также классификации, предложенные другими современными историками⁴⁹. Для того, чтобы получить представление о том, кто были репрессированные служащие в Горьковской области, обратимся к таблице 5.

Среди служащих Горьковской области доминируют рядовые работники различных учреждений (25,3%), работники промышленности и транспорта (20%). Среди последних высокую долю занимают счетоводы и бухгалтеры, а также высший технический персонал предприятий — инженеры, конструкторы и др. (215 чел.). Среди группы «рядовых сотрудников различных учреждений» больше всего мелких служащих (464 чел.). На третьем месте по абсолютной численности — учителя и преподаватели (296 чел.). Управленцы самого разного рода также занимают важную долю среди репрессированных (19%), в том числе немало было репрессировано «государственных управленцев» — 2,9%.

Как показала данная работа, книги памяти жертв политических репрессий обладают достаточно большим информационным потенциалом для детального анализа процессов 1937–1938 гг. Все полученные результаты удалось собрать и проанализировать благодаря масштабной электронной базе данных «Жертвы политического террора в СССР», основанной на книгах памяти и включающей более 2,5 млн записей. В некоторых регионах СССР количества справок на репрессированных достаточно много и включает почти всех жертв террора, в других союзных рес-

Таблица 5

Категории служащих, репрессированных в Горьковской области

Тип служащих	Категория	Кол-во чел.	В процентах
Управленцы	всего	496	16,2
	управленцы в промышленности, в том числе	267	
	директора заводов	41	
	завхозы в промышленности	12	
	председатели артелей	12	
	управленцы в госучреждениях	99	
	завхозы в госпредприятиях	17	
	управляющие конторой	17	
	управленцы в сфере услуг, в том числе	82	
	директора магазинов	40	
	управленцы в сельском хозяйстве, в т. ч.	48	
	председатели колхозов	40	
	директора МТС	7	
	служащие в административных органах управления разных уровней	всего	88
управленцы союзного уровня		7	
управленцы областного и республиканского уровней		41	
управленцы районного уровня и ниже, в том числе		40	
председатели РИК		7	
председатели сельсоветов		1	
Партработники	всего	63	2,1
	партработники уровня обкома и выше	23	
	партработники уровня райкома или горкома	17	
	партработники на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах	20	
Работники промышленности и транспорта	всего	652	20,7
	высший технический персонал, в том числе	215	
	инженеры, конструкторы, механики	188	
	лесники	27	
	средний технический персонал, в том числе	17	
	техники, технологи	104	
	низший технический персонал	93	
	Другие:	163	
	работники связи	10	
	инспекторы в промышленности	19	
	инструкторы в промышленности	4	
	счетоводы, бухгалтера в промышленности	271	
	юристы в промышленности	23	
	Специалисты промышленных и госучреждений госучреждений	всего	321
бухгалтер, счетовод в госучреждении		11	

Продолжение таблицы 5

Тип служащих	Категория	Кол-во чел.	В процентах
	счетовод в сельском хозяйстве	53	
	счетовод в сфере услуг	28	
	врач, медработник	89	
	экономист, плановик, статистик	116	
	юрист в госучреждении	24	
Специалисты в сельском хозяйстве	всево	70	2,3
	агрономы, агротехники	28	
	зоотехники, ветеринары	42	
Рядовые работники различных учреждений	всево	775	25,3
	инспектора в госучреждении	29	
	инструктора в госучреждении	9	
	работники сферы услуг	167	
	мелкие служащие	464	
	агенты	72	
	делопроизводственный персонал	34	
Работники культуры искусства, просвещения, науки	всево	430	14,1
	работники культуры и искусства	69	
	журналисты, редакторы газет	14	
	научные работники	51	
	учителя, преподаватели	296	

публиках, краях и областях справок на репрессированных нет совсем, в третьих их недостаточно.

Как обладающий полнотой данных для этого исследования был выбран один регион РСФСР — Горьковская область. Из-за того, что обращение к первоисточнику в формате MySQL требовало большого количества времени, из него была выделена небольшая вспомогательная база данных в формате Access. В дальнейшем проводился ее анализ. Методический инструментарий данного анализа включал запросы к базе данных, как простые, так и сложные, а также статистическую обработку их результатов.

В данном исследовании впервые были представлены в комплексе основные социальные характеристики репрессированных в ходе Большого террора в Горьковской области. Динамика репрессий показала, что пик процесса приходился на декабрь 1937 г., 80% арестованных в регионе были задержаны именно в первый год Большого террора. В основном от репрессий пострадали люди в возрасте от 31 года до 60 лет (около 70% репрессированных). Смертные приговоры ожидали людей в возрасте от 60 лет или пожилых гораздо чаще, чем всех остальных. Женщин среди репрессированных было

мало (8,4%), и приговоры к ВМН их ожидали гораздо реже, чем всех остальных (в 12% случаев).

По данным Горьковской области, в репрессивной политике прослеживается уклон в отношении не доминирующих на этой территории национальностей либо лиц «инонациональностей». Их чаще арестовывали и чаще приговаривали к ВМН.

Изучив приказ № 00447, мы ожидали, что от репрессий пострадают прежде всего некие «антисоветские элементы» — раскулаченные, нетрудящиеся, с темными пятнами в биографии. Однако на деле большинство жертв Большого террора в Горьковской области, по крайней мере по своему социальному положению, оказались вполне «советскими» слоями населения: рабочими, колхозниками, служащими. Существенно для понимания Большого террора то, что впоследствии, начиная с 1950-х гг., абсолютное большинство жертв этого процесса было реабилитировано, их признали невиновными в том, в чем они обвинялись в 1930-х гг. Очевидно, что большую часть людей просто подвели под категории приказа об «антисоветских элементах», чтобы выполнить квоты.

В Горьковской области в соответствии с промышленным профилем региона доминировали ра-

бочие (26%) и служащие (11,5%), т. е. арестовывали не собственно «антисоветские элементы», а тех, кто был под рукой, даже основную «опору» советской власти — рабочий класс. Гораздо чаще к «первой категории» (расстрел) приговаривали священнослужителей (в 80% случаев) и единоличников (в 40% случаев), при этом политика по отношению к колхозникам была более «мягкой» — их расстреливали «лишь» в 21% случаев.

Таким образом, исследование показало, что книги памяти и созданная на их основе база данных «Жертвы политического террора в СССР» позволяют изучить социальный портрет репресси-

рованных гораздо более детально и разнопланово, чем представлялось до сих пор, их информационный потенциал оказался гораздо более значимым, чем ведомственная статистика, в которой содержатся только некие (часто фальсифицируемые) данные о прошлом арестованных. Более того, возможно, что именно книги памяти и детальное изучение хода репрессий в каждом регионе поможет представить различия между тем, кого в НКВД намечали к арестам («бывшие люди», антисоветские элементы, кулаки), и тем, кого в реальности они «изъяли» из общества, кого на самом деле больше всего затронул Большой террор.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2004. С. 273–281.
- ² Там же. С. 301–303.
- ³ Там же. С. 270–272.
- ⁴ Там же. С. 366.
- ⁵ См.: Кириллов В. М. Увековечение памяти жертв политических репрессий в России (по материалам Книг памяти) [Электронный ресурс]. URL: <http://vi.krsk.ru/arhiv.asp> (дата обращения: 13.05.2011).
- ⁶ Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 34–35.
- ⁷ Денисова А. Почему закрыт доступ к советским архивным делам [Электронный ресурс]. URL: <http://altapress.ru/story/80462/> (дата обращения: 16.02.2012).
- ⁸ Никольский В. М. Фальсификация органами НКВД социального состава репрессированных в УССР, 1937–1938 годы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 25–26.
- ⁹ Разгон В. Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции. М., 2009. С. 86.
- ¹⁰ Кабацков А. Н. Репрессии 1937–1938 гг. против рабочих Прикамья Свердловской области в рамках приказа 00447 // Сталинизм в советской провинции. М., 2009. С. 182.
- ¹¹ Шабалин В. В. Сельское население Прикамья как жертва массовой операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции. М., 2009. С. 109.
- ¹² Кириллов В. М. Указ. соч.
- ¹³ Melanie Ilić. The Great Terror: Leningrad — a Quantitative Analysis // Ed. Stephen G. Wheatcroft. Challenging traditional views on Russian history. London, 2002.
- ¹⁴ Трагедия советской деревни / под ред. В. Данилова. М., 2006. Кн. 2. С. 161–162.
- ¹⁵ Петров Н. В., Рогинский А. Б. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/POLAcy/00485ART.htm> (дата обращения: 30.03.2012); Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой» операции НКВД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm> (дата обращения: 20.04.2012).
- ¹⁶ Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 334.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 592.
- ¹⁹ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 62–63.
- ²⁰ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности... С. 275.
- ²¹ Там же. С. 214.
- ²² Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 382.

-
- ²³ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности... С. 471.
- ²⁴ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 550.
- ²⁵ Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 34.
- ²⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 21.
- ²⁷ Жданова Г. Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 — марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. М., 2009. С. 733.
- ²⁸ Там же. С. 736.
- ²⁹ Разгон В. Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. М., 2009. С. 84.
- ³⁰ К таким выводам приходит М. Илич, см.: Melanie Ilič. The Great Terror: Leningrad — a Quantitative Analysis. P. 151.
- ³¹ Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Указ. соч. С. 35.
- ³² Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе «Большого террора» (1937–1938 годы): сравнительный анализ баз данных по книгам памяти четырех регионов РСФСР // Исторические документы и актуальные проблемы археографии и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник тезисов докладов участников Второй международной конференции молодых ученых и специалистов «Спб-2012»/отв. ред. С. А. Котов. М., 2012. С. 170.
- ³³ См.: Сводные статистические сведения о гражданах, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных [Электронный ресурс]. URL: <http://vizz.nlr.ru/search/stat.html> (дата обращения: 13.05.2011).; Melanie Ilič. The Great Terror: Leningrad — a Quantitative Analysis. P. 151.
- ³⁴ Данные взяты из статьи: Жданова Г. Д. Указ соч. С. 727.
- ³⁵ Там же. С. 727.
- ³⁶ Melanie Ilič. The Great Terror: Leningrad — a Quantitative Analysis. P. 151.
- ³⁷ Материалы составлены по кн.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 92.
- ³⁸ Лягушкина Л. А. Указ. соч. С. 171; Кодин Е. В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М., 2011. С. 31.
- ³⁹ Жданова Г. Д. Статистический анализ реализации приказа... С. 730.
- ⁴⁰ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 158–159.
- ⁴¹ Алфавитный словарь занятий: пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1939; Систематический словарь занятий: пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. Л., 1939.
- ⁴² Инструкция к шифровке переписных листов. Пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. Ч. II. М., 1939. С. 21.
- ⁴³ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 79.
- ⁴⁴ Там же. С. 148.
- ⁴⁵ Казанков А. Репрессии против духовенства в ходе проведения кулацкой операции в Прикамье (1937–1938 гг.) // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг./отв. ред. О. Лейбович. М., 2009. С. 234.
- ⁴⁶ Юнге М., Бонвеч Б. и Биннер Р. Оперативный приказ № 00447: выполнение в провинции // Сталинизм в советской провинции. М., 2009. С. 52.
- ⁴⁷ Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М., 1936. С. 35.
- ⁴⁸ Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Указ. соч. С. 78–79.
- ⁴⁹ Аналитические данные // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Т. III. Ч. II. С. 430–431.
-